

Сдавать в аренду???

Что за бредовая идея. И надо же было до такого додуматься. Вэнь Ши явно был не в восторге.

Когда этот человек был недоволен, всё тут же отражалось на его лице, от которого веяло ледяным холодом. Коротышка, опешив от этого холода, смущённо пробормотал:

— А что, так нельзя?

— И что же в этом хорошего? — отрезал Вэнь Ши.

Над головой Коротышки медленно появился вопросительный знак.

Вэнь Ши постоял напротив него ещё немного и наконец осознал: того сообразительного Шэнь Цяо больше нет.

Раньше стоило ему лишь подумать о чём-то, как собеседник тут же понимал его, избаловав его до такой степени, что он, имея возможность сказать одно слово, ни за что не говорил два. Но теперь так не получалось. Ему приходилось облекать свои мысли в слова.

И он сказал:

— Ты хоть знаешь, чем мы занимаемся? Ты приведёшь сюда двух обычных жильцов, они увидят что-нибудь эдакое и поднимут крик на весь район. Ты их напугать хочешь или кого?

— Прости, — сказал Коротышка.

Думал он туго, зато извинялся молниеносно. Лицо Вэнь Ши немного оттаяло. Он уже собирался сменить тему, как тот понуро добавил:

— Просто, по оценке, арендная плата очень даже приличная. За две комнаты можно получить больше семи тысяч.

Вэнь Ши промолчал.

Его представления о ценах застыли в 1995 году. Услышав эту цифру, он на пару секунд замер, а затем развернулся и ушёл.

Коротышка в страхе и трепете последовал за ним. Увидев, что они вот-вот войдут в двери виллы, он не удержался и спросил:

— Так... что вы имели в виду?

Вэнь Ши, не оборачиваясь, бросил:

— Считаю, я ничего не говорил.

Пусть кричат. Кого хотят, того и пугают, какое ему до этого дело.

Высокий и длинноногий, он шёл быстро, но у самых дверей виллы резко остановился.

Коротышка увидел, что тот не входит, и уже хотел спросить «в чём дело?», как вдруг вспомнил слова бабушки Шэнь Цяо.

Тот говорил, что Судьи по своей сути — люди. А людям, живущим в мире, очень трудно сохранить свою чистоту, малейшая неосторожность — и ты уже запятнан. В древности у Судей было великое множество правил, даже для входа в чужой дом существовал свой ритуал. Люди благородного склада, входя в дом, где есть хозяин, просили особого дозволения, чтобы выразить своё почтение, а также чтобы отличаться от всякой нечисти вроде демонов и злых духов.

Чтобы впустить их, мёртвые должны были сжечь серебряную фольгу с именем. С живыми всё было проще — достаточно было устного приглашения.

Впрочем, в наши дни мало кто соблюдал эти церемонии, да и сами правила давно канули в Лету.

Секунду назад Коротышке казалось, что у Вэнь Ши скверный характер и с ним трудно найти общий язык. Но сейчас, видя, как тот, сжимая рукоять серебристо-белого зонта, спокойно и отрешённо ждёт у ступеней, он вдруг подумал, что этот человек, которого так почитал его дед, и впрямь был не таким, как все.

— Входи в дом, — робко предложил Коротышка. — Так можно говорить?

Вэнь Ши как раз обдумывал, как бы попонятнее всё объяснить, но, услышав эти слова, на миг замер, а затем, опустив глаза, сложил зонт и поднялся по ступеням.

— Ты никогда здесь не был?

— Нет, — Вэнь Ши вошёл в гостиную и огляделся.

Каждый раз, умирая и вновь выходя из Врат Неявленности, он за короткое время вырастал из ребёнка в юношу, после чего его облик больше не менялся — таким он оставался до самой смерти. Поэтому он вместе с Шэнь Цяо сменил немало мест, переезжая каждые десять-двадцать лет. В девяносто пятом они всё ещё были в Сиане и как раз планировали на следующий год перебраться в Нинчжоу, но так и не успели.

В вилле было немногочисленно, гости, пришедшие выразить соболезнования, сидели тут и там.

Портрет Шэнь Цяо стоял в центре гостиной, по обе стороны от него висели жёлтые и белые полосы с заклинаниями. Стоило кому-нибудь поклониться, как двое, сидевшие на стульях в восточной и западной частях зала, выкрикивали имя, после чего сона и барабаны исполняли короткую мелодию.

В остальном обстановка в гостиной была скудной, к тому же все духовные предметы исчезли. Знающий человек, войдя сюда, сразу бы понял, что в этом доме царит крайняя... бедность.

На южной стене висел длинный свиток, занимавший почти всё пространство. Это была каллиграфическая картина — иероглифы, вплетённые в рисунок. Непосвящённый видел лишь картину, но знающий понимал, что это полный список имён земных вершителей судеб.

Начиная с самого первого патриарха, там были перечислены все, кому передавалось ремесло, все ответвления и школы. У каждого, кто занимался этим делом, в доме имелся такой свиток.

Вэнь Ши нашёл своё имя, за ним следовали имена его учеников, затем учеников его учеников... вплоть до Шэнь Цяо. Вся эта линия была выведена киноварью, что означало — усопшие.

— Я потратил шесть лет, чтобы разобраться в этом свитке, — с обидой в голосе сказал Коротышка.

«Ну и тупица, — подумал Вэнь Ши. — Неудивительно, что моя ветвь прервалась и вымерла».

Его взгляд остановился на месте после имени Шэнь Цяо. Нахмурившись, он постучал пальцем по свитку:

— Откуда здесь это грязное чернильное пятно?

Лицо Коротышки вспыхнуло.

— Я... по глупости, — пробормотал он. — Увидел, что моего имени там нет, и дописал.

Уже потом он узнал, что свиток этот живой, и дописывать что-либо бесполезно, останется лишь клякса.

Вэнь Ши долго всматривался в пятно, прежде чем разобрал нацарапанное куриной лапой имя — Ся Цяо.

Он заподозрил, что Шэнь Цяо взял этого гениального ученика только потому, что их имена были похожи, — вот уж действительно, судьба слепа.

Рядом со свитком стоял алтарь для благовоений, на котором был выставлен портрет зеленоликого, клыкастого божества в цветастых одеждах. В руке оно держало ветку белой сливы, что совершенно не сочеталось с его устрашающим, как у якши, видом и выглядело нелепо.

Рядом с портретом были начертаны три иероглифа, написанные тонким и твёрдым почерком, — Чэнь Будао.

— Какое необычное имя у патриарха, — заметил Коротышка Ся Цяо.

— Это его официальное имя, — сказал Вэнь Ши. — Такое есть только у тех, кто наполовину стал бессмертным.

— А как его звали на самом деле?

Вэнь Ши посмотрел на портрет, затем опустил глаза, взял три благовонные палочки, зажёл их, трижды поклонился и сказал:

— Кто знает.

— А почему они поклоняются этому? — внезапно вклинился хриловатый голос.

Вэнь Ши установил палочки в курильницу и, обернувшись, увидел неподалёку юношу лет четырнадцати-пятнадцати. Указывая на портрет патриарха, тот спрашивал стоявшую рядом женщину средних лет:

— Разве не говорили, что нельзя? Что те, кто поклоняется, умрут плохой смертью...

Не успел он договорить, как женщина зажала ему рот.

— Ш-ш-ш! — прошипела она, понизив голос. — Сколько раз тебе говорить? Следи за языком!

Она сверкнула глазами, и последние слова, вываленные сквозь зубы, прозвучали весьма угрожающе.

После этого она подняла голову и виновато улыбнулась, обращаясь не то к Ся Цяо, не то к портрету:

— Простите, ребёнок неразумный, не принимайте его слова всерьёз.

— О, ничего-ничего, — замахал руками Ся Цяо.

«Как же, ничего», — подумал Вэнь Ши.

Он хотел было что-то сказать, но, увидев трусливый вид Ся Цяо, снова ощутил, что разговор не клеится, и ему стало лень открывать рот.

Утихомирив сына, женщина подошла к портрету Шэнь Цяо и поспешно поклонилась. Сидевший рядом музыкант пропел:

— Из рода Чжан, ветви Сюй, госпожа Чжан Билин.

— Знакомое имя, — пробормотал себе под нос Ся Цяо, обвёл взглядом свиток и действительно нашёл эту Чжан Билин. Её ветвь располагалась чуть выше ветви Вэнь Ши.

— Вэнь... эм, — Ся Цяо хотел позвать Вэнь Ши, но не знал, как к нему обратиться. Назвать его братом — значит нарушить иерархию по отношению к Шэнь Цяо. А не называть братом... неужели дедушкой звать?

— У меня имени нет? — холодно посмотрел на него Вэнь Ши.

— Не смею произнести, — Ся Цяо, изобразив на лице предельную честность, тихо задал вопрос, который давно его мучил: — Этот свиток живой, он иногда меняется. Имена снизу могут перемещаться наверх. А почему наша ветвь всегда прочно держится в самом низу? Это из-за старшинства?

Вэнь Ши промолчал.

Он одарил Ся Цяо взглядом, каким смотрят на слабоумных, и сказал:

— Смотрят не на старшинство, а на ныне живущих преемников в каждой ветви.

— И что дальше?

— Кто сильнее, тот и выше.

— А те, что в самом низу...

Встретившись с убийственным взглядом Вэнь Ши, он молча закрыл рот, всё поняв. Этот свиток был чем-то вроде рейтинга. И ветвь Вэнь Ши, с тех пор как Шэнь Цяо взял его в ученики, была обречена прозябать на самом дне. Так продолжалось уже много лет.

Неудивительно, что с годами всё меньше людей поддерживало связь с семьёй Шэнь, а на поминки пришло и вовсе раз-два и обчёлся. Большинство были обычными соседями. А из тех, кто был на свитке, эта Чжан Билин была первой.

Ся Цяо искоса взглянул на Вэнь Ши, чувствуя одновременно и вину, и уныние.

Он не знал, где раньше на свитке находилось имя Вэнь Ши, и не знал, захочется ли тому прибить его, увидев их нынешнее положение.

Вэнь Ши и вправду хотел прибить это бесполезное создание. Но ещё больше ему хотелось принять душ и поесть.

— Где ванная? — он похлопал Ся Цяо по плечу. — Одолжи мне чистую одежду.

— О, в комнате есть, сейчас принесу.

Вэнь Ши последовал за Ся Цяо. Проходя по коридору мимо спален, он вдруг почувствовал себя неуютно. Давно он не испытывал такого ощущения, словно на него кто-то пристально смотрит.

Он обернулся.

Из коридора обзор был ограничен, видна была лишь открытая дверь другой спальни и косые тени людей из гостиной, падавшие на пол.

— Вэнь... — раздался из главной спальни голос Ся Цяо. Он, казалось, боролся с собой и, наконец, сдавшись, произнёс: — Ладно, буду звать вас брат Вэнь. Простите, если нарушаю субординацию, я не нарочно.

Он трусливо сотворил несколько поклонов в сторону неба и протянул Вэнь Ши комплект чистой одежды.

Вэнь Ши наконец отвёл взгляд от теней, взял одежду, вошёл в ванную и, прислонившись к косяку, стал ждать.

Ся Цяо уже собирался вернуться в гостиную, но, увидев его позу, замешкался:

— Вы... разве не собирались в душ?

— Собирался.

— Тогда... почему вы на меня смотрите?

— Жду воду, таз, полотенце.

— ???

Восемнадцатилетний Ся Цяо и Вэнь Ши уставились друг на друга. Спустя мгновение до Ся Цяо внезапно дошло, что между ними пролегла целая пропасть под названием «1995 год».

— Подождите, я вам сейчас воду настрою, — Ся Цяо юркнул в ванную, чтобы отрегулировать горячую воду для этого господина.

Вэнь Ши всё так же стоял у двери, его взгляд был прикован к плиткам на полу чуть поодаль. Там по-прежнему смутно отражались тени из гостиной. Ничего подозрительного, но ощущение, что за ним наблюдают, не исчезало.

Он смотрел на них некоторое время, а затем прикрыл веки.

Обычный человек, закрывая глаза, видит темноту. Но не он. Закрыв глаза, он видел даже больше, чем с открытыми.

— Брат Вэнь? — Ся Цяо внезапно тронул его сзади за плечо. — Вы что, засыпаете?

Вэнь Ши открыл глаза и посмотрел на довольно сложную конструкцию душевой кабины. Вода уже некоторое время лилась, и ванная наполнилась тёплым паром.

— Нет. Я в душ, можешь идти.

Ся Цяо объяснил ему, что где лежит на полках, и, взяв телефон, направился к выходу.

Вэнь Ши уставился на светящийся белый экран и, услышав несколько коротких вибраций, спросил:

— Что там?

— А, — ответил Ся Цяо, быстро печатая. — Я же говорил, что выставил две комнаты? Сейчас написал потенциальный арендатор, хочет посмотреть. Я ему объясняю детали.

— ...

В глазах Вэнь Ши промелькнуло сомнение:

— И вот с помощью этой штуки можно связаться с человеком?

Ся Цяо поднял голову, выглядя ещё более озадаченным:

— ...Ага. А... что, нельзя?

— Можно, — Вэнь Ши вернул себе холодное выражение лица и обронил как бы невзначай: — Насколько я помню, для связи используют не это.

— А что?

Вэнь Ши подумал и сказал:

— Пейджер.

Ся Цяо замолчал.

Когда-то он клялся Шэнь Цяо, что пропасть между поколениями не станет проблемой, что он её преодолеет и сделает так, чтобы брат Вэнь чувствовал себя как дома. Но теперь он вдруг понял, что эта пропасть, чёрт возьми, широковата, и у него уже болит в паху.

Он подумал и сунул экран прямо под нос Вэнь Ши, чтобы этот господин, усопший в 1995-м, увидел всё своими глазами.

В этот момент от агента пришло сообщение: «Господин Се пишет, что будет свободен завтра вечером. Вам удобно будет его принять?»

<http://bllate.org/book/14655/1301256>